

ми и обычаями. Подтверждением этого являются сборник «Утренние цветы, собранные вечером» (1927), «Старые легенды в новой редакции» (1936) и другие, более ранние рассказы, в основе сюжетов которых лежат мифы, предания, исторические реминисценции.

Книгу воспоминаний «Утренние цветы, собранные вечером» открывает рассказ «Про собак, кошек и мышей» (1926), который наиболее полно отвечает задачам принятого нами исследования. Изучение няньхуа можно рассматривать как процесс раскодирования и интерпретации культурных символов на уровне отдельной личности и общества в целом. В этом рассказе Лу Синь делится воспоминаниями о своем детстве: «Над моей кроватью были наклеены две цветные картинки. Одна изображала сюжет «Бацзе принимает зятя» (Бацзе – персонаж романа У Чэн'эня «Путешествие на Запад», Бацзе – имя свиньи.), она была заполнена изображениями свиных рыл и громадных ушей, и мне она казалась ужасно непривлекательной. А вот другая картинка – «Свадьба мышей» мне очень нравилась. Все, начиная женихом и невестой и вплоть до распорядителя свадебной церемонии, гости и шаферы с острыми мордочками и на тоненьких ножках были похожи на образованных людей, но одеты они были в красные рубашки и зеленые штанишки» [3, с. 9].

Во-первых, следует отметить, что в рассказе «Про собак, кошек и мышей» у автора с известной народной картинкой «Свадьба мышей» связаны всевозможные ассоциации и коннотации. Во-вторых, няньхуа у Лу Синя – это культурный феномен, во многом определяющий ценности и религиозно-духовное воззрение ее обладателя. В-третьих, в оригинальном тексте нет термина «няньхуа», для обозначения народной картинки автор использует слово «хуа чжи» (花紙), дословный перевод которого – «цветная бумага». «Ван Шуцунь объясняет отсутствие термина няньхуа – «новогодняя картина» в китайских текстах до конца XIX в. тем, что только к этому времени и сложилось само слово няньхуа» [4, с. 12].

Позднее, в письмах к Лю Сяню, писатель, выступая в качестве коллекционера и теоретика народного творчества, будет пользоваться термином «няньхуа». Сегодня коллекции Лу Синя хранятся в Пекинском доме-музее, в Шанхайском доме-музее и в доме-музее города Шаосин на родине писателя. Определение или уточнение количества собранных писателем няньхуа вызывает определенные трудности, поскольку нет единого каталога коллекции. В китайских источниках, к сожалению, указаны разные цифры. Однако можно с уверенностью утверждать, что в кол-

лекцию входили редкие (не имеющие копий) экспонаты, выполненные в разных центрах производства няньхуа.

Няньхуа коллекции Лу Синя в основном представлены южной школой. Так, например, в основном помнятая народная картина «Свадьба мышей», принадлежавшая Лу Синю, по мнению специалистов, была исполнена в мастерской Таньтоу (滩头), провинция Хунань. Народную картину «Свадьба мышей» первоначально изготовили в печатне Мянчжу [5, с.90]. На сегодняшний день существует несколько ее вариантов. Одни из них в точности воспроизводят ту картину, которую в детстве увидел писатель, изображение на других несколько отличается от няньхуа, описываемой в рассказе «Про собак, кошек и мышей». В нашем случае это не является принципиальным.

В свое время академик В.М. Алексеев (1881-1951), выдающийся советского синолог, первым в мире открывший научное направление по исследованию няньхуа, в статье «Китайская народная картина и перспективы ее изучения» писал: «Народную картину надо исследовать не для того, чтобы рассказывать о том, какие картины рисуют китайцы... а для того, чтобы глубоко проанализировать этот сюжет в общем комплексе культуры Китая, куда он входит как органический элемент» [4, с. 54].

Культурная картина Цинской эпохи в целом, и няньхуа в частности, представляет собой уникальный исследовательский материал. Многие аспекты культуры и истории Китая обозначенного периода (XVII-XX вв.) востребованы современными китайскими и российскими учеными и активно ими рассматриваются. Дистанция времени позволяет нам объективно оценить события и творческое наследие лучших представителей той эпохи и внести научные обоснованные дополнения.

1. Ба Цзинь Хуайнянь Лу Сюнь сяньшэн / Ба Цзинь. Сюаньцзи дидзо изюань. Чэнду. Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1996 (Ба Цзинь. Воспоминания Учителя Лу Синя / Ба Цзинь. Избранное. – Т. 9. – Чэнду. Изд-во «Сычуань жэньминь чубаньшэ», 1996)

2. Лу Синь Записки сумасшедшего // Лу Синь. Повести и рассказы / пер. с кит. Библиотека всемирной литературы. – Сер. 3, т. 162. – М., 1971.

3. Лу Сюнь Гоу. Мао. Шу. / Лу Сюнь сюаньцзи. Саньвэнь. Саньвэньши. Ши изюань. Чанша. Хунань вэнь чубаньшэ, 2004 (Лу Синь. Про собак, кошек и мышей. // Лу Синь. Избранное. Проза. Стихи в прозе. Стихи. – Чанша: Изд-во «Хунань вэнь чубаньшэ», 2004).

4. Алексеев В.М. Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. – М.: Наука, 1966.

5. Мянчжу няньхуа чжи луй. Шэнь Хун бяньчжу. Бэйцзин. Чжунго хуабאו чубаньшэ, 2006. Сюньчжао шицой дэ няньхуа (Путь Мянчжуских няньхуа / под ред. Шэньхун. – Пекин: Изд-во «Чжунго хуабאו чубаньшэ», 2006. Сер. книг «В поисках потерянных няньхуа»)

Новаль Аль-Аббаси

АВСТРИЙСКИЙ ЛИНГВИСТ И ПЕРЕВОДЧИК ФРИЦ МЕЙЕР О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «ДИВАНА» МЕХСЕТИ ГЯНДЖЕВИ

Outstanding Azerbaijan poetess XII of century Mehseti Gandjevi is still little-known to the West European reader's weights. The known Austrian researcher-linguist and translator Frits Meyer has made thorough attempt to meet this lack in German-speaking philology, introducing thereby the mite to strengthening of the Azerbaijan-Austrian literary mutual relations.

Известная азербайджанская поэтесса Мехсети Гянджеви жила и творила в XI-XII вв., в период расцвета азербайджанской поэзии, в которой символика причудливым образом сочеталась с реалистическими тенденциями (конечно, в том понимании и оценке, как это было доступно великим личностям периода раннего средневековья). Это

было время великих поэтов Низами Гянджеви и Хагани Ширвани, проложивших дорогу последующим поколениям национальных художников слова. Но если Низами Гянджеви и Хагани Ширвани широко известны в мировом литературном процессе, то о жизни и творчестве первой азербайджанской поэтессы Мехсети Гянджеви сведений значительно меньше. В инонациональной филологической науке имеется лишь несколько работ, посвященных ее жизни и поэтической деятельности.

Отсюда понятно, сколь важное значение приобретает каждое вновь обнаруженное исследование о Мехсети Гянджеви, созданное за пределами Азербайджана. Здесь в первую очередь следует назвать труд современного австрийского языковеда, критика и профессионального переводчика Фрица Мейера «Прекрасная Мехсети» (Meier, Fritz. Die Schöne Mahsati, Ein Beitrag zur Geschichte des Persischen Vierzeilers), опубликованный в 1963 г. [5].

Поражает сам объем проделанного австрийским ученым исследования (свыше 400 стр. машинописного текста), в то время как в самом Азербайджане до сих пор не

существует столь масштабного монографического или диссертационного издания. В своей работе Ф. Мейер тактично обошел вниманием специальное Приложение академика Е.Э. Бертельса к монографии «Низами и Физули» относительно того, что Мехсети Гянджеви – это условная фигура в филологической науке. Это предположение, правда, имеет под собой основание, но лишь в той незначительной степени, в которой стихи поэтессы дошли до нас, так сказать, косвенным образом. Иногда мы обнаруживаем их, к примеру, в составе четверостиший других поэтов. Однако и точных доказательств на этот счет на сегодняшний день не существует. Видимо, осознавая опасность и скоропалительность категоричных выводов о жизни и деятельности Мехсети Гянджеви, академик Е.Э. Бертельс признавался: «Я не настаиваю на этом решении вопроса... дальнейшая работа может быть возможна лишь при условии сбора всех произведений, существующих под именем Мехсети, тщательной проверки всех стихотворений, которые можно с уверенностью отнести к творчеству других известных нам поэтов и внимательного анализа остающейся части» [2, с. 117].

Можно с уверенностью утверждать, что по своему характеру работа Фрица Мейера «Прекрасная Мехсети» из разряда тех, о которых и говорил академик Е.Э. Бертельс.

В настоящей статье мы ограничимся анализом первой части исследования австрийского лингвиста, посвященного анализу четверостиший Мехсети Гянджеви, в последующих сделаем попытку пролить свет на посвященный ее жизни «Роман об Амине Ахмеди и Мехсети».

В предисловии к своей работе Фриц Мейер пишет, что его работа относится к так называемому «конвергентному типу» литературоведческого исследования. Для этого типа характерны, как мы знаем, углубленный анализ избранной конкретной темы, а также повышенное внимание к отдельным художественным деталям. На наш взгляд, заслуга современного австрийского востоковеда огромна, потому что ему, словно в противовес ученому мирового уровня Е.Э. Бертельсу, удалось собрать воедино многочисленные сведения о поэтессе Мехсети Гянджеви, которая реально существовала и опубликовала целый ряд четверостиший. Привлекает и то, что в первом томе указанного издания ученый уже сумел проанализировать 279 четверостиший с дальнейшим собственным и, кстати сказать, подробным научным комментарием.

Монография состоит из пяти глав с правильными, выверенными параметрами оформления научного аппарата. Вот структура работы Фрица Мейера.

1. О четверостишиях:
 - а) форма и происхождение персидского четверостишия;
 - б) взгляд на доказательства (анализ примеров четверостиший восточных поэтов).
2. Первые персидские поэтессы:
 - а) Рабия Киздари;
 - б) Мутриба.
3. Историческая Мехсети Гянджеви:
 - а) имя поэтессы;
 - б) время и место рождения;
 - в) профессия Мехсети Гянджеви;
 - г) отношение Мехсети Гянджеви к воспеваемым ею образам.
4. Четверостишия Мехсети Гянджеви:
 - а) источники;
 - б) восстановление текста;
 - в) вопрос о подлинности четверостиший;
 - г) характер четверостиший Мехсети Гянджеви;
 - д) указатель использованных источников.
5. «Диван» Мехсети Гянджеви. Текст, перевод, комментарий:
 - а) четверостишия;
 - б) стихи, написанные другими размерами [5, с. 130-131].

Как видно из представленного плана, две первые главы не имеют непосредственного отношения к творчеству азербайджанской поэтессы.

В главе о первых персидских поэтессах речь идет о двух из них – Рабии Киздари и Мутрибе. Об обеих известно очень мало. Рабия Киздари писала по-арабски и по-персидски. Ее биография известна плохо, причем она обросла легендами, так что вымысел трудно отделить от правды. Не установлено точно и время, в которое она жила. Период этот приблизительно очерчен правлением династии Газневидов (977 – XII в.). По одним источникам она была современницей Рудаки, но, возможно, жила и раньше. Стихи, которые ей приписывают, также нельзя считать достоверно написанными ею, так как из ее дивана уцелели лишь немногие. О Мутрибе из Кашгара практически вообще почти ничего неизвестно. Предположительно эта поэтесса, как и Мехсети, жила в XII в., сохранилась приписываемая ей «Песнь на смерть Туган-шаха».

В последующей главе делается краткий экскурс в историю персидского четверостишия, в частности, устанавливается, что это широко известная стихотворная форма; «еще в Авесте встречаются подобного рода стихотворные строфы, правда, там они по своей метрике отличаются от рубаи в том виде, в котором они известны уже в новоперсидской литературе». Ф. Мейер анализирует метрику рубаи, прослеживает ее развитие, дает схему стиха, ставит вопрос о том, сказывается ли влияние метрики на рубаи, и отвечает на этот вопрос отрицательно. Даже если арабская форма четырехстрочного стиха и дала какой-то толчок к созданию рубаи, то это явно не оставило заметного следа, – считает ученый [1, с. 59].

Перелистывая страницы обширного труда австрийского языковеда-востоковеда, читатель фактически воочию наблюдает, в какой степени он знаком с инонациональным материалом. Фриц Мейер проявляет глубокую осведомленность, когда, к примеру, перечисляет имена некоторых более или менее известных персидских поэтов, в свое время также обращавшихся к форме рубаи.

Действительно, Фриц Мейер пишет: стих, замкнутый в четырех строках, придавал этой поэтической форме особую афористичность, способствовал точности и лаконичности мысли. Часто рубаи имели эпиграммный характер. Четверостишия чрезвычайно разнообразны по своей тематике. Среди них есть хвалебные и траурные стихи, религиозные, мистические, философские, политические и, конечно, любовные. До сегодняшнего времени, пишет Мейер, это одна из наиболее хорошо усваиваемых восточными народами литературных форм.

Исследователь Акиф Байрамов в своей интересной монографии «Классическая азербайджанская литература на немецком языке» немного опрометчиво, на наш взгляд, считает, что Фриц Мейер не знал вышеназванной монографии Е.Э. Бертельса, «хотя на другие работы советского ориенталиста он ссылается» [1, с. 58]. Более того, в исследовании азербайджанского ученого нет также упоминания о лучших разработчиках рубаи. В то же самое время упор на эту восточную форму стихосложения все-таки делается.

Нам представляется, что здесь есть ряд технических неточностей. Сегодня, находясь в границах Азербайджанской Республики, проверить все необходимые сведения крайне затруднительно, но маловероятно, что выдающийся австрийский востоковед не знаком с работами академика Е.Э. Бертельса, тем более, что все они, бесспорно, переведены на европейские языки, включая и немецкий. Кроме того, коль скоро Фриц Мейер ссылается на рубаи, ему не могут не быть знакомы стихи великого Омара Хайяма.

Как нам представляется, это можно проследить, опираясь даже на фактуру немецкого исследования. В комментариях Фрицем Мейером оговариваются разночтения.

Но нам в нашем случае важнее пояснить и прокомментировать другое:

Текст в переводе Мейера таков:

Mehr als du willst ist Kummer und Krankheit vorhanden.
In der Liebe zu dir liegt das Unglück der Verstobenheit.
Nun ist es zeit zum Abschied. Was befehlst du?

Gibt es noch die Erlaubnis, dich auf eine Ltunde zu besuchen?

В русском переводе (кстати, почти подстрочном) следует:

Больше, чем ты хочешь, было горя и болезней.
В любви к тебе лишь несчастья, погрешенья.
Теперь пора расставанья. Что прикажешь ты?
Дашь ли еще разрешение посетить тебя в какой-то час?
В свою очередь у Омара Хайяма есть такие строки:
Неужели такой наш ничтожный удел:
Быть рабами своих вожделеющих тел?
Ведь еще ни один из живущих на свете
Вожделений своих утолить не сумел! [4, с. 77].

И далее, согласно изысканиям Ф. Крамара (монография «Об исследованиях Омара Хайяма и Насир-эддина Туси по теории параллельных линий» [3, с. 68]), мы, в частности, узнаем, что в последующих рубаи восточный мыслитель писал о том, как кратковременно человеческая жизнь, что нужно ценить удел Аллаха, ибо нам не дано знать, когда придет «пора расставанья».

Как же эти рубаи напоминают нам сорок первое четверостишие Мехсети Гянджеви! Мог ли о таких удивительных идейно-тематических совпадениях не знать Фриц Мейер, столь глубоко разработавший теорию стихосложения? Вряд ли.

Третья глава книги Ф. Мейера посвящена выяснению происхождения имени Мехсети Гянджеви и времени, когда она жила; автор пытается установить также род ее основной деятельности. По предположению А. Байрамова, относительно происхождения имени поэтессы есть две версии. Первая гласит, что ее поэтическое прозвище связано со значением двух корней: *mäh-sati* – *Mondfrau*, т.е. «женщина-луна», а вторая – со значениями *mih-sati* – *grobe Frau*, т.е. «великая женщина». Точно доказать, от какого именно корня произошло поэтическое прозвище Мехсети, сейчас уже не представляется возможным. Вслед за указанным автором монографии мы также склоняемся к прочтению «Mahsati» на основании ряда примеров из персидской поэзии, где это имя употребляется именно в такой огласовке.

Приводя сведения различных источников о датах жизни поэтессы и указывая на содержащиеся в них противоречия, Ф. Мейер делает следующее заключение: «Daraus ergeben sich zwei Folgerungen. Erstens rückt der Terminus «ad quem» für das Todesdatum unserer Dichterin gegen die Mitte des 6/12 Jh. zurück, denn wenn die Dichterin schon vor dem Jlahinama eine so legendare Gestalt gewesen ist, dab sie in novellistischer Erzählung auftrat, hat sie aller Wahrscheinlichkeit nach schon vor diesen Erzählungen das Leitliche geregnet. «Terminus a quo» ist 511/1117, der Regierungsantritt sagaris. Lmeitens rückt die Erzählung Attac's über Mahsati auf dieselbe Stufe wie die über Rabi'a-i Qusdari, d. h. sie entstument romanhafter Überdiefierung und ist für eine Darstellung der geschichtlichen Persönlichkeit Mahzatis nur mit vorbehalt zu benutzen...».

Как констатирует австрийский ученый, различные источники разошлись также во мнениях на то, где родилась и жила Мехсети. Существует несколько предположений на этот счет. Так, в повести Аттара, где рассказывается о любви Мехсети Гянджеви и «сына священника из Гянджи», прямо указывается на то, что поэтесса жила в этом городе. Другие источники, связывая имя поэтессы с султаном Санджаром, называют другие города. Сам Ф. Мейер считает наиболее вероятным, что Мехсети жила в Гяндже.

Рассуждая о профессии Мехсети Гянджеви, австрийский ориенталист исходит из того факта, что в большинстве источников ее называют «dabir» (а), что в современном немецком языке соответствует значению слова «schreiberin», т.е. буквально «пишущая женщина». Мейер, объясняя многозначность этого слова, все же окончательно склоняется к выводу, что профессией Мехсети Гянджеви следует считать сочинение песен и стихов.

Любопытно, что вслед за предыдущими исследователями творчества Мехсети Гянджеви австрийский востоковед констатирует такой факт: большинство ее стихов любовного содержания. Это позволяет делать о ней и ее образе жизни самые различные и даже (с современных позиций) невероятные предположения. Скажем, одни называют ее «ученой женщиной», другие «распущенной женщиной». Такие противоречия в оценке поэтессы вполне оправданы, если взглянуть на ее несколько фривольные стихи. И все же, считает Ф. Мейер, нельзя по творениям оценивать создателя:

«Wir kommen zu dem Schlub... Aus den Dokumenten, die wir besitzen, läßt sich weder das «reine Wesen» nach dessen Gegenteil beweisen. Die Schuld daran trägt die Fektivitat der Dichtung und die Romanhafte Überlieferung, auf die wir angewezen sind. Dazu kommt aber noch ein Drittes: Wie wir im Folgenden ausführen werden, mab die Echtheit der ihr zugeschriebenen Gedichte Weitgehend in der Schwebe bleiben».

Вместе с Фрицем Мейером мы вынуждены констатировать, что «Диван» Мехсети Гянджеви до сих пор не обнаружен. Объективно сказываются опасения Е.Э. Бертельса на этот счет. Мы не имеем морального права рассматривать ее четверостишия по признаку авторства, пока не получим ясных и бесспорных доказательств подлинности ее поэтического наследия, пока оно не обнаружится и официально не будет опубликовано в печати. Однако мы располагаем отдельными цитатами, заметками, отрывками из антологий, а также из диванов других восточных авторов. А это все же больше чем ничего. Кроме того, заметим, что некоторые азербайджанские исследователи называют явно принадлежащими поэтессе различное число четверостиший: Rida – 1b; M. Ishaque – 48; Ali Abbar-i Musir-i Salimi – 52; Tahiri-i Sihab – 111.

Этот факт также оказывается в центре внимания австрийского языковеда. Так, в первой части своей работы Фриц Мейер собрал четверостишия без учета романа о Мехсети Гянджеви и ее возлюбленном Амуре Ахмаде. Некоторые из них, взятые из других источников, можно встретить и в указанном романе, где они вложены не только в уста Мехсети Гянджеви, но и ее возлюбленного.

И, наконец, в завершение статьи, отметим, что все косвенные сведения о Мехсети Гянджеви дошли до нас приблизительно из XIII в., и уже тогда, пишет австрийский ориенталист, существовала определенная «романная» (т.е. основанная на романе о Мехсети и Амуре Ахмаде) традиция о Мехсети. Тогда возникает резонный вопрос: не все ли вообще сведения, которыми мы располагаем о Мехсети, «пришли к нам из «романной» традиции»?

С учетом всего изложенного, понятно, что данный риторический вопрос переключается с мнением о Мехсети, высказанным Е.Э. Бертельсом. Однако Фриц Мейер отвечает на этот вопрос иначе, чем русский академик. Он рассуждает так: «Ob nicht überhaupt alles, was wir von Mahsati besitzen, aus der Romantradition geflossen ist.

Das ist in der Tat möglich Aber weun wir die 45. Gemeinsamen Vierzeiler mit den Hunderten von Vierzcilern in beiden erhaltenen Fassungen des Romans und den rund 250. Vierzeilern, da wir aus den Antologien und Zitaten gesammelt haben, vergleichen, so erscheint die Beruhrungsfläche doch verhältnismäßig schmal und die Annahme liegt viel maher,

dab die Litaten und Anthologenschreiber nicht an die Romantradition gebunden waren».

Вопрос о подлинности четверостиший, включенных в «Диван» Мехсети, Фриц Мейер решает своеобразно. Он считает, что «только возможно больший объем такого «Дивана», включавшего в себя все, что когда-либо приписывалось Мехсети (даже то, что, как теперь абсолютно точно установлено, не принадлежит перу поэтессы), поможет исследователям разобраться окончательно в проблеме Мехсети» [5, с. 241].

В последнем разделе четвертой главы автор «Прекрасной Мехсети» дает список источников, на основе которых был, собственно говоря, и составлен «Диван» восточной поэтессы. Этим источником австрийский лингвист насчитывает до 80. Среди них и анонимная персидская антология начала XIV в. «Fihristi kitabhāna-i Maḡlisi Sūray-i milli», и антология арабской и персидской прозы, включая также и поэтические опусы под названием «Maḡmu-at-ul-adab», в которых зафиксировано 18 ее четверостиший.

В свете глубинного изучения азербайджано-австрийских литературных и культурных связей весьма ценным можно считать тот раздел работы Фрица Мейера, в котором опубликованы текст и перевод с одномоментными комментариями к некоторым четверостишиям Мехсети (или, как мы уже условились в нашей статье, приписываемых ей). Так вот, эту очень сложную и кропотливую работу австрийский ориенталист проделал последовательно и весьма тщательно (что вообще, по мнению многих азербайджанских литераторов, присуще представителям немецкой науки). Приведем в завершение статьи несколько наиболее характерных, на наш взгляд, примеров перевода Фрица Мейера из «Дивана» Мехсети и комментариев к ним:

Четверостишие № 4

Указано, что в одной из антологий оно известно как анонимное, а в двух редакциях романа о Мехсети и Ахмаде вложено в уста героя.

Gestern sprach ich flehentlich zu jedem Schneider.

«Um Gottes willen, schöner Knabe, komm doch herunter!»
Er antwortete: «Du vermagst den Kaftan der Vereinigung mit mir nicht zu kaufen».

Ich erwiderte: «Mit meinem Leben kaufe ich schon eine Nacht.

В комментариях Ф. Мейера речь идет о разночтениях в различных вариантах четверостишия под номером четыре.

Четверостишие № 45

Во всех источниках (их около 15) это четверостишие приписывается Мехсети.

Als die Frau des Richters schwanger wurde, weinte dieser jammerlich

Und sprach voller Wut: «Was soll das bedeuten?

Ich bin ein alter Mann und mein Zumpt erhebt sich nicht mehr im geringsten.

Und diese Huse ist nicht Maria! Von wem ist das Kind?».

Четверостишие № 111

Известно в одном варианте и приписывается Мехсети.
Buck nicht zum Boden, denn die Erde und Wasser können dich sehen!

Blick nicht zum Himmel, denn die Sonne künnte dich sehen!

Meine Seele schwindet vor Eifersucht, du meine Seele und

meine Welt.

Wenn dich eines Nachts im Traum jemand Sieht».

В комментарии Фриц Мейер поясняет чувства Мехсети к своему возлюбленному.

И для завершающего примера – четверостишие под номером 191. Известны два варианта, приписываемые Мехсети.

Я не забуду мое сердце у тебя,

Даже если с горя по тебе тут же могу умереть.

Я не сделаю легко другого своим другом,

Я не заведу себе тотчас другую любовь.

Комментарий здесь снабжен примерами из других источников, где четверостишия разных поэтов написаны на аналогичную тему, а также схожи в своем образном выражении.

Подводя итоги, отметим, что в ходе литературно-критического анализа работы видного современного австрийского языковеда-востоковеда и умелого переводчика Фрица Мейера «Прекрасная Махсати» выясняется: примеры, взятые им из предполагаемого «Дивана» азербайджанской поэтессы, вновь и вновь подтверждают высокую оценку его монографии.

1. Байрамов Акиф. Классическая азербайджанская литература на немецком языке. – Баку: Язычы, 1992.

2. Бертельс Е.Э. Низами и Физули. Приложение I. – М.: Мысль, 1957.

3. Крамар Ф.Д. Об исследованиях Омара Хайяма и Насир-эддина Туси по теории параллельных линий. – Алма-Ата: Штинца, 1964.

4. Хайям Омар. Рубаи. – М.: ТЕРРА; Книжный клуб, 1999.

5. Meier Fritz. Die Schöne Mahsati, Ein Beitrag zur Geschichte des Persischen Vierzeilers. – Bd. I. – Wiesbaden, Frans Pteiner Verl, 1963.